

УДК 165.24

Фидченко Елена Владимировна

кандидат философских наук, доцент, доцент
кафедры философии Московского
государственного педагогического университета
тел.: (495) 438-17-26

Fidchenko Elena Vladimirovna

PhD in Philosophy, Associate Professor of
the Department of Philosophy, Moscow
State Pedagogical University
tel.: (495) 438-17-26

**PHILOSOPHICAL REVIEW: СПЕЦИФИКА
ПРОБЛЕМНОГО ПОЛЯ ТЕОРИИ
КОММУНИКАТИВНОГО ДЕЙСТВИЯ (ЧАСТЬ I)**

Статья описывает некоторые позиции применения «Теории коммуникативного действия» Ю. Хабермаса в философской практике. Коммуникативное действие как функциональное и полезное взаимодействие является рациональным методологическим феноменом. Представленный исследовательский анализ относится к области методов философии науки и теории коммуникации.

Ключевые слова: философия науки и познания, теория коммуникативного действия, методология, взаимодействие, истинность, правильность, правдивость.

**PHILOSOPHICAL REVIEW: SPECIFICITY OF
THE PROBLEM FIELD THEORY OF
COMMUNICATIVE ACTION (PART I)**

This article describes some of the positions of the «Theory of communicative action» J. Habermas in philosophical practice. Communicative action as a functional and useful interaction is a rational methodological phenomenon. The presented research analysis relates to methods of philosophy of science and communication theory.

Key words: philosophy of science and knowledge, theory of communicative action, methodology, inter-action, truth, correctness, truthfulness.

Статья написана в рамках работ по грантовому проекту «Развитие научного потенциала высшей школы» Министерства образования и науки Российской Федерации (6.3041.2011 – «Исследования эпистемологических и историко-философских концепций в философии и гуманитарных науках»).

Среди проблем современной философии науки и познания выделяется значительная группа вопросов, связанных с обновлением и усовершенствованием эпистемологии и философской методологии.

Общий анализ взаимодействия коммуникации и познания в философии XX и XXI вв. дает возможность теоретического осмысления и практического освоения открывающихся новых областей, включающих в себя исследовательские позиции как собственно философского и эпистемно-методологического характера, так и герменевтического, лингвистического, литературоведческого, культурологического и прочих аспектов частнонаучного порядка.

Акцент на гуманитарном познании делается не случайно, так как отказ от абсолютизации роли естественнонаучной методологической ориентации приводит сегодня к формированию новой исследовательской методологии, преодолевающей одностороннее видение научных проблем и моногранность мышления, в целом.

Анализ обозначенной позиции в коммуникативном ключе первоначально сводился к попытке упорядочения процесса общения посредством диалога, из чего затем последовали переосмысление либо отказ от субъект-объектных отношений между участниками коммуникации при наличии все той же диалогической формы и ряда атрибутов, например, текста, кода, сигнала, канала передачи и так далее, характеризующих внедрение представлений о теоретических и прикладных моделях коммуникации.

Помимо этого, в коммуникации, имеющей явно и четко выраженные лингвистический и социально-философский компоненты, проявилась тенденция выхода на метауровень рассмотрения проблемы, т. е. возможность проведения герменевтического и конвенционального методологического анализа предмета исследования.

Заданному процессу, в значительной степени, способствовало формирование представлений о коммуникативном действии как интеракционном лингвосоциальном взаимодействии участников коммуникации. Теоретическое и практическое обоснование данной позиции принадлежит немецкому философу и социологу Ю. Хабермасу.

Комплексное использование вышеперечисленных подходов порождает методологическую ситуацию применения прагматической и моральной установок в одном контексте.

«Теория коммуникативного действия» Ю. Хабермаса сориентирована, прежде всего, на выявление новых аспектов рассмотрения феномена рациональности, в поле которого формируются и находят свое разрешение вопросы философии познания, науки, методологии и т. д. Так, с помощью морально-прагматического и герменевтического аспектов исследования производится упорядочение

дочение социально-философских и лингвистических фрагментов формирования и функционирования коммуникативного действия.

Прагматические основания концепции Ю. Хабермаса определяют необходимость внедрения некоторых конвенциональных правил и ограничений, которые способствуют возникновению соглашений, консенсуса, диссенсуса и т. д. Чрезвычайно значимой выступает возможность проведения герменевтического анализа и обязательно сопутствующей ему процедуры интерпретации исходной проблемы, вследствие чего рождаются понимание и согласие, основывающиеся на разного рода конвенциях.

Философско-методологический анализ коммуникативного действия в гуманитарном познании в пределах парадигмы рациональности характеризуется демонстрацией коммуникативно-конвенциональной и герменевтической концептуальности, констатирующей поворот к человеку в познании. При этом ссылка на поведение и деятельность в социально-философском ключе и на собственно действие (акт) в лингвофилософском аспекте дает адекватное представление о коммуникационном механизме целевой реализации и контекстном поле воплощения перформативного потенциала коммуникативного действия.

Проявление безусловного поворота к человеку и ценностям в философском познании и методологии, таким образом, обогащается не только применением отдельно коммуникативного, герменевтического или конвенционального подходов, но и такой их совокупностью, которая основывалась бы на взаимодополнении, отражающем многогранные проявления индивидуальных и межличностных взаимодействий.

Такая тенденция существенным образом инициируется содержательными характеристиками коммуникативного действия, поскольку создание подобного рода интеракции и ее успешность возможны только тогда, когда участники (акторы – в терминологии Ю. Хабермаса) процесса коммуникации находятся на одном уровне моральных и нормативных представлений. Наиболее важным представляется единое понимание истинности, правильности и правдивости в объективном, социальном и субъективном мире.

Подобная концептуальность выступает гарантом сбалансированности методологии коммуникативного действия, и в преломлении данного методологического видения открываются новые горизонты применения теории Ю. Хабермаса в гуманитарном познании. В частности, формируется мнение о возможности совокупного применения коммуникативно-действенного, конвенционального и герменевтического подходов, что может рассматриваться в качестве новой идеи в развитии философской эпистемологии и методологии.

На сегодняшний день в отечественной и зарубежной философской литературе компоненты проблемы анализа коммуникативного действия в гуманитарном познании разработаны в нескольких направлениях.

Происхождение коммуникативного действия, его дефиниция и общая характеристика представлены немецким философом Ю. Хабермасом в работе «Теория коммуникативного действия» (1981), предваряясь трудами «К логике социальных наук» (1970), «Что такое универсальная прагматика?» (1976), «Коммуникация и эволюция общества» (1979), и развиваясь в работах «Автономия и солидарность: интервью» (1992), «Моральное сознание и коммуникативное действие» (рус. пер. 2000), «Вовлечение другого: Очерки политической теории» (рус. пер. 2001), «Техника и наука как “идеология”» (рус. пер. 2007), «Расколотый Запад» (рус. пер. 2008), «Проблема легитимации позднего капитализма» (рус. пер. 2010), «Ах, Европа» (рус. пер. 2012) и других.

Западная англоязычная критическая традиция анализа философии Ю. Хабермаса определяется такими именами, как А. Бранд, Д. Ингрэм, Т. Маккарти, К. Рассел и другие; среди отечественных исследователей данной проблемы следует особо отметить Б.В. Маркова, Н.В. Мотрошилову, Р.М. Нугаева, И.П. Фарман, В.Н. Фурса, Е.И. Чубукову.

Обращение к исследованию структурных составляющих теории коммуникативного действия выявляет необходимость проведения методологического анализа ее социально-философского и лингвистического аспектов.

Вслед за Ю. Хабермасом, а затем и в дополнение к его теории, важно рассматривать ряд принципиальных положений теоретиков франкфуртской школы: критику абсолютизации рационализма и инструментального разума Т. Адорно и М. Хоркхаймером; социально-функционалистский проект Г. Лукача, неофрейдистскую психологическую и социальную «терапию» Э. Фромма; а также «теорию социального действия» Т. Парсонса, социологическую концепцию «целерационального действия» М. Вебера, антропоцентризм в «понимающей социологии» Э. Дюркгейма, социальные проекты К. Маркса; психологизм деятельности Ж. Пиаже.

Беспорное значение для построения философской коммуникативно-действенной концепции имеют социолингвистические исследовательские позиции, в частности, теория языковых игр и феномен интересубъективности Л. Витгенштейна, интеракционистская модель Дж. Мида, языковая

прагматика Ч.С. Пирса, «теория речевых актов» Дж. Остина и ее последующая разработка Дж. Серлом, логико-лингвистическая концепция Н. Хомского, лингво-культурологические системы К. Леви-Строса, Э. Сепира и Б.Л. Уорфа.

Проблемное изложение путей создания теории коммуникативного действия является отчасти ретроспективным в том смысле, что сформулированная Хабермасом дефиниция возводится в степень контрольного понятия, выполняющего роль регулятива течения исследовательского процесса. Теоретико-методологические основы исследования определяются двумя уровнями: операциональным и аналитическим. Концептуальный анализ ведется в контексте представлений философа о рациональности, а вопрос развития социально-философских и лингвистических представлений о коммуникативном действии претендует на совокупное применение критико-аналитической и системной методологических позиций в своём разрешении.

Так, в целях исследования структуры конструкта коммуникативного действия и его применения в познании востребованы: системный подход (В.Н. Садовский, И.В. Блауберг, Э.Г. Юдин, А.И. Уемов и др.), герменевтический анализ (Г.-Г. Гадамер, К.-О. Апель, Ю. Хабермас, П. Рикер и т.д.), а также конвенциональный подход (А. Пуанкаре, Р. Карнап, Л. Лаудан, Д. Дэвидсон и др.).

При рассмотрении взглядов конкретных авторов целесообразно применение историко- и теоретико-философский компаративного анализа, что предопределяет проведение комплексных научных изысканий в области формирования коммуникативно-действенной рациональности, а также ее методологических возможностей в научно-гуманитарном познании.

«Теория коммуникативного действия» Ю. Хабермаса сформировалась в сложных методологических условиях, когда, по выражению А. Шюца, одной из главных проблем являлось отсутствие умения владеть высоким искусством, которое «научило бы нас пользоваться тем, что мы уже знаем».

Фундаментальное исследование Ю. Хабермаса носит философско-социологический характер и представляет собой сложноорганизованную систему, основывающуюся на принципах рациональности структурных построений, интегрируемости внутренних компонентов и присутствия неизбежного коммуникативного взаимодействия.

В обосновании «Теории коммуникативного действия» особая роль отводится феномену деятельности, представляющему собой специфическую форму активного отношения субъекта коммуникации к объективной реальности, обществу и себе самому, и выражающемуся в действии в качестве деятельностной структурной единицы.

Ю. Хабермас определяет коммуникативные действия как «такие интеракции, в которых их участники согласуют и координируют планы своих действий; при этом достигнутое в том или ином случае согласие измеряется интерсубъективным притязанием на значимость. В том случае, когда процессы взаимопонимания идут в эксплицитной языковой форме, акторы, разговаривая о чём-либо друг с другом, своими речевыми действиями выдвигают притязания на значимость, а именно притязания на истинность, на правильность и на правдивость своих высказываний» [3, с. 91-92]. Следует отметить, что акторами Хабермас, аналогично терминологии психологических и психоаналитических исследований, а также, возможно, следуя основаниям «теории речевых актов», называет субъектов-участников коммуникации.

Дефиниция коммуникативного действия еще более развернута при помощи важного уточнения относительно тезиса об истинности, правильности и правдивости притязающих на значимость интеракций, выражающихся в связях между высказыванием и

«1) объективным миром (как тотальностью всего бытия, относительно которой истинные заявления являются возможными);

2) социальным миром (как тотальностью всей легитимности, упорядочивающей интерсубъективные отношения);

3) субъективным миром (как тотальностью переживаний говорящего, к которым он имеет привилегированный доступ)» [4, р. 99].

Соотнесенность истинности, правильности и правдивости, притязающих на значимость интеракций выражается в связях между высказыванием и «объективным миром (как тотальностью всего бытия, относительно которой истинные заявления являются возможными), социальным миром (как тотальностью всей легитимности, упорядочивающей интерсубъективные отношения) и субъективным миром (как тотальностью переживаний говорящего, к которым он имеет привилегированный доступ)».

В целом, по моему убеждению, система организации «Теории коммуникативного действия» не может быть принципиально иной, если она предусматривает необходимость обосновать процесс рационального обновления на всех доступных актору уровнях освоения реальности.

Еще одной очень важной проблемой исследования можно считать основные эвристические и функциональные проявления коммуникативного действия в философской теории коммуникации.

Коммуникативному действию свойственна направленность к достижению понимания и со-

гласия в качестве результата целевой коммуникации, а также выработка механизма уравнивания отношений между акторами.

Коммуникативное действие, по моему мнению, антиконфликтно. В целях продолжения интеракции его участники прибегают к рациональным мотивам обоснования действия, тогда как актер стратегического действия прибегает к силе, прямому или косвенному принуждению иных коммуникантов продолжать столь желаемое общение. На уровне интегративного взаимодействия концепция коммуникативного действия демонстрирует высокую степень совместимости с частными моделями коммуникации (например, Р. Якобсона, Ю. Лотмана и др.) [2, с. 143].

Таким образом, о «функциональности» и результативности коммуникативного действия можно говорить только в режиме диалога, в контексте которого реализуются установки переходной конвенциональности, согласия и понимания.

Все сказанное означает возможность приведения философии и методологии теории коммуникации с помощью коммуникативного действия к такой установке, которая, по выражению В.П. Терина, способствует оптимальной реализации «вечного стремления людей найти общий язык, чтобы успешно сообщаться друг с другом» [1, с. 198].

Рассмотренное проблемное поле формирования и развития социально-философских и лингвистических представлений о коммуникативном действии, а также выявление основных функциональных проявлений феномена коммуникативного действия в философской теории коммуникации, в целом, подтверждают целесообразность применения принципов критико-аналитического и системного подходов, способствующих процессу планомерного выявления и обозначения философских и теоретико-методологических оснований функционального применения коммуникативного действия в науке и познании.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Терин В.П. Массовая коммуникация. Исследование опыта Запада. 2-е изд. М., 2000.
2. Фидченко Е.В. Коммуникативное действие и языковые модели коммуникации: проблема качественной совместимости // Преподаватель XXI век. 2008. № 1.
3. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие: пер. с нем. / под ред. Д.В. Складнева. СПб., 2000.
4. Habermas J. The Theory of communicative action / transl. by T. McCarthy. Vol.1. Boston, 1984.